

УДК 81-25

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ЗАГОВОРНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., проф., заведующий кафедрой общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности использования элементов и форм русского языка в коми-пермяцкой заговорной традиции (в русских и собственно коми-пермяцких заговорных текстах). Исследуются виды заимствований, их основные функции, выявляется участие русских заимствований в усилении сакральности текстов. Отмечается активное трансформирование русских языковых форм, обусловленное влиянием родного языка носителей заговорной традиции. Особое внимание обращено на использование в коми-пермяцких заговорах русских диалектных лексем и фольклорных формул. Делаются выводы о роли искаженных русских элементов в усилении «загадочности» и суггестивности заговорных текстов.

Ключевые слова: культурно-языковое взаимодействие русского и коми-пермяцкого народов Прикамья; обрядовые заимствования; язык заговоров; фольклорная формула; фольклорный символ; языковая интерференция.

Многие финноугорские народы до настоящего времени – в основном благодаря очень позднему обращению в православие – сохраняют элементы древней анимистической религии; мифологичность является важной чертой этнического самосознания удмуртов, марийцев, хантов и манси. Для коми-пермяцкого народа также характерно наслаивание языческих представлений на воспринятое после XV в. христианство, вполне языческая интерпретация многих реалий и понятий православия. При этом, располагая собственной развитой и отчетливо сохраняющейся и в наши дни мифологической традицией, коми-пермяцкая культура не только сохраняет свои мифологические элементы, но и активно усваивает их от своих русских соседей. Усваивание коми-пермяками многих русских архаических верований обусловлено ранней русской колонизацией. Поэтому значительную часть мифологически окрашенной лексики, в том числе встречающейся в текстах коми-пермяцких быличек и заговоров, представляют русские заимствования. Это разнообразные наименования нечистой силы (*шшиш* ‘черт, дьявол’), лешего (эфемистические номинации типа *вукавöй* ‘лукавый’, *неприятной*), домового (*суседко*), банного духа (*кöзяин*, *козяюшко*); названия тех, кто способен лечить заговорами, колдунов (*волишебница* – о колдунье, *еретик* – о знающемся с нечистой силой), названия болезней (*комутеч* ‘болезненное

уплотнение на теле, а также опоясывающие боли туловища’ – от *холмут*, *икота* ‘болезнь кликушество, одержимость’), обозначения видов колдовства и знахарства (*шопкыны* ‘шептать, наговаривать’), связанных с колдовством реалий (*кабала* ‘письменное прошение духу, чтобы тот вернул потерявшееся домашнее животное’).

Сфера активного взаимодействия русского и коми-пермяцкого языков – язык фольклора, и в частности заговорных текстов. Собственно коми-пермяцкие заговоры имеют свою специфику, которая связана с тем, что при общении со сверхъестественными существами знахарь выступает как равный с ними по силе (в русской традиции знахарь обычно выступает в роли посредника). В следующем наговоре-молении представлен своеобразный товарообмен охотника с лешим – входя в лес, охотник оставляет на пне большую самокрутку и плохо пропеченные на углях ядовитые грибы (или обмотанный лопухом табак и грибной пирог) со словами: *Кывзы менö, ыджыт. Ме тэныт – табак, тэ меным – уррез. Ме тэныт – тшака нянь, тэ меным – кöч да пöтка* ‘Послушай меня, большой. Я тебе – табак, ты мне – белок. Я тебе – грибной хлеб, а ты мне – зайца и птицу’. Включенные в текст русские элементы – общерусское *табак* и русское диалектное *пöтка* ‘птица’ – называют главные предметы этого обмена (возможно, выбор слова *пöтка* вместо *кай* связан и с потребностью в эв-

фемистическом замещении имени желаемой добычи). Нередки, с другой стороны, случаи, когда коми-пермяцкое слово встраивается в русский текст: *Летят два ворона, несут два волоса. На что они? Чтобы кровь муромить, дугдотны, чтобы рану полечить* (зап. от Мизевой А.М., 1938 г.р., д. Мысы, Гайнский район). Соседствующие глаголы *дугдотны* 'останавливать' и *муромить* имеют близкие значения (*муромить* во владимирских говорах 'замуровывать', т.е. накрепко заложить, заделать [Даль: электр. ресурс]); коми-пермяцкий глагол, указывающий на смысл ритуального действия, явно играет лишь вспомогательную роль.

Использование заимствованных русских текстов, как и заимствование отдельных элементов русского языка, активно применяется при создании сакральных текстов: произнесение текстов на чужом языке противостоит обыденной речи и воспринимается более мистично. Любопытно в этом плане символическое использование в заговорах уже самой «русской» темы. Так, в наговоре от всяких нужд и болезней упоминается Св. Иоанн Русский: *Иоанн русский во всяких нуждах и болезнях. Святой мученик праведный Иоанн Русский, услышь меня грешную рабу божью Анну, поминай меня в своих молитвах перед Христом Богом, да сохранит он меня от искушения, да сподобит меня грешную и недостойную царствия своего. Аминь* (зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево, Юсьвинский район). Святой мученик Иоанн Русский известен как целитель, как спаситель на водах и на войне, дающий успехи в торговле, заступник обиженных, защитник от козней дьявольских, избавитель от скорбей, болезней, бед и напастей; особо почитаем за верность христианству в Греции. Обращение за помощью в коми-пермяцком магическом ритуале именно к нему связано, очевидно, с подчеркнутой именем и фамилией «русскостью» святого.

Известно, что в рамках родной этнической традиции заговоры характеризуются относительно стабильным лексическим составом, выступают как застывшие структуры, наполненные устойчивыми формулами. В то же время из-за неточного понимания русской лексики, слабого знания русской грамматики коми-пермяками русские тексты заговоров и русские вкрапления в коми-пермяцкие тексты нередко искажены в лексическом и грамматическом отношении. Часто проявляется воздействие фонетики родного языка на произношение русских слов. В заговоре от чирья *Во имя отца и сына всякого духа* отмечена перестановка звуков, поскольку в коми-пермяцком языке отсутствует мягкий губной

звук [в]; в форме *ангул* вместо *ангел* (*И святая Симонская гора, Спас-Спаситель защититель, ангул-хранитель*) [г'] заменен на [г], поскольку в коми-пермяцкой фонетике нет мягких заднеязычных. Нередки при этом попытки сохранения мотивированности искаженной формы; так, замена *Сионская* (река) на *Симонская* призвана устранить нехарактерное для коми-пермяцкой фонетики скопление гласных. Вместо названия реки *Сион*, с помощью которого в русском фольклоре обозначается граница между царством Божиим, райскими кущами и остальным миром, использовано имя одного из двенадцати апостолов *Симон*, также встречающееся в заговорной традиции.

При использовании русских текстов отмечаются типичные для билингвов языковые нарушения. В формообразовании отмечаются искажения видовых форм глагола (*Уйди грыжа с глаз, за темные леса, за стоячие болота, где люди не ходят, где птички не летают, туда неси те, там стоптайте, а к ребенку не приставайте*), нарушения падежных форм (*Батушка царь не боися не позору не страху не переполоху не боись не худобиша не шепоту не ломот*). Искажения слов связаны также с непониманием книжных форм (отсюда отсутствие согласования во фразе *Настави нас на путь на правый*, в которой использовано слово *зablуждающий* вместо *зablуждающих*).

Многие искажения слов связаны с отсутствием рода в коми-пермяцком языке (*Помоги же нам немощным в этом скорбу нашем* вместо *в этой скорби нашей*). Ласкательный и почтительный смысл в тексты вводят слова *матушка, батюшка* (*речка матушка, баня матушка, ангел матушка*). Названия типа *солнце матушка, солнце Елена* соотносят светило с девушкой (сходным образом солнце как девушка – *мичаны* – представлено и в коми-пермяцких загадках: красивая девица рано просыпается, в окно глядит, никому спать не дает). Отголосок древнего мифа о солнце-женщине в коми-пермяцкой сказке «Солнце и месяц» проявляется в том, что колдун, разлучая любящих юношу и девушку, отправляет их на разные звезды (девушка находится на звезде *Шонди*). Другим примером, подтверждающим наше наблюдение, может служить обращение в заговоре на хороший урожай *Батушко-рудзог, быдмы моросви меным* 'Батушка-рожь, расти мне до груди'; хлебным злакам у коми-пермяков обычно приписывается мужское начало, возможно, в связи с тем что полевые работы всегда считались мужским занятием. Лес, напротив, определяется через соотнесение с женским началом: охотник подходит к лесу и гово-

рит: *Лес, лес, моя девица, корми и пои, напои моё сердце и мою семью своей живицей* (зап. от Исаева А.И., д. Хазово, Кочевский район). Наделение леса женскими качествами связано с типичным осмыслением природы как женского рождающего начала (откуда также русское *земля-матушка, вода-матушка*); в мифах именно лес-парма родит Пера богатыря; показательно и коми-пермяцкое обозначение всей природы *вõрват* (букв. 'лес-вода') – аналог русского выражения *земля-матушка*.

Разнообразны ошибки, объясняемые незнанием особенностей русского словообразования. «Свободное» создание слов отмечено во фразах типа *чирейные места болели и высокли* (используется наиболее продуктивный суффикс прилагательных), *осиный пенё* (*Смотрите меня вместо осинового пня*). Активно варьируются приставки как нетипичные для коми-пермяцкого языка морфемы. Словообразовательная деформация осуществлена в виде «согласования» приставок в формуле *как земля укрепилась, как небо уделилось*, которая содержит обычные в заговорах и известные в разных мировых мифологиях сюжеты укрепления демиургом земли, изначально не имевшей опоры в пространстве, и разделение неба и земли.

Установкой на задабривание духов объясняются деминутивы типа *хозяйнушко* (вместо *хозяйюшко*), *раюшка* от *рай*: *Хозяйнушко, сет мянлõ добро баня лонтны* 'Баннный хозяин, дай нам добро баню истопить' (с. Коса); *Банюшка-матушка, светлая раюшка, как вымылись, так и ты мойся* (зап. от Семушевой А.А., 1939 г.р., д. Доег, Юсьвинский район). Вообще нагнетание уменьшительно-ласкательных форм, не типичное для русской традиции, активно реализуется в коми-пермяцкой среде: *Вот утром встану, говорю: «Господь-батюшка, родненькой, миленькой отец Иисус Христос, помоги мне»* (с. Гайны); русские православные обычно избегают таких форм, полагая, что как бесконечен сам Бог, так бесконечна и доброта его.

Типичны в текстах коми-пермяков искажения библейских имен – *Ева и дама* вместо *Ева и Адам* (в обращении идущего на суд: *Ева и дама, сам Господь Бог Иисус Христос, сохраните меня от внешних врагов*, зап. от Боталовой А.А., 1938 г.р., д. Дмитриево, Юсьвинский район). Часты также случаи деформации устойчивых заговорных формул: *Спаси от бабы самовокрутки* (вместо от *бабы-самокрутки*), *от девки простоволосаго* (вместо *простоволоски*). Вместо *океан-море* в заговорах появляется *Киян-гора* (*На кияне-горе, золотом престоле сидит Пресвятая Мать Богородица и сам Иисус Христос*). Любо-

пытно, что *Киян-гора* действительно существует в Крыму (ср. также название *Замковой*, или *Киевской*, горы в Киеве *Киян*).

При изменении устойчивых заговорных формул может проявляться воздействие локальных культов. Так, в обращении к бане *Матушка, банюшка, Соломия, Карпушка, пусти меня погреться, помыться, попариться* (зап. от Кузнецовой К.А., 1921 г.р., с. Майкор, Юсьвинский район) использовано имя *Карп* в связи с местной традицией наделять предка-первопоселенца качествами святого или чудесного помощника. Под персонажем с именем *Карп* имеется в виду не один из семидесяти апостолов Иисуса Христа *Карп* (в текстах заговоров это имя не упоминается), а один из братьев Тулуповых, которые первыми осели в юсьвинских краях. Аналогичным образом предки, фигурирующие в топонимических преданиях, часто появляются и в поминальных молитвах коми-пермяков [Королёва, Роготнев, Четина 2012: 56].

Немало русских элементов (прежде всего устаревших и диалектных лексем) встречается в составе собственно коми-пермяцких заговорных текстов. В заговоре от ос в «переименовании» частей тела (голова – камень, зубы – сталь) используется диалектное слово *уклад*: *Галя-из – юрдõй, пиньõй – уклад, вернõй слугаõй, вернõй казакõй, червонь гõрдõся вылõ не кайны* 'Белый камень – моя головушка, зубы мои – сталь, верный мой слуга, верный мой казак, узла подвязки (на чулках) выше не подняться' (зап. от Нешатаевой Г.А., 1929 г.р., с. Архангельское, Юсьвинский район). Редкое слово обеспечивает бóльшую сакральность заклинания: словом *уклад* называлась высококачественная сталь особой закалки, идущая на изготовление лезвий клинков, сабель, кинжалов (старорусский термин для стали «уклад» ведёт свое происхождение именно от характерного приема «укладывания» стальных корочек в пачку [Забелин, Таганов: электр. ресурс]). В заговоре от ожога – *Во имя отца и сына и святого духа аминь. Ангел матушка ас чышьянат чышьянась, ас чышьянат и лапясь, из вылын узян проклад вылись чеччан* 'Свой платок на голову надевай, своим платком накрывайся, на камне будешь спать, спокойно встанешь. Тридевять аминь' – используется русское диалектное наречие *с прокладом* 'не спеша, спокойно' [Словарь русских говоров Карелии... 2002: 265].

Отмечены в коми-пермяцких заговорных текстах также устаревшие русские фольклоризмы. В формуле-пожелании колдуну – *тебе, лиходею, булатный камень в горло* – слово *булатный* используется на первый взгляд неверно (бу-

латный 'сделанный из литой стали'). В русских заговорных текстах, однако, отмечено применение этого определения не только к ножу, игле, но даже к дубу, быку, птице: *булатный дуб с булатными ветками и листьями; бык булатны рога; птица с булатными когтями*. Слово в языке фольклора активно используется в условном смысле для характеристики чего-либо особо крепкого (в заговорах в связи с этим оно отмечается в составе закреп: *К моим словам ключ, и замок, и булатна печать*). Отметим, что образ *булатного камня* отмечен и в русском заговоре от порчи молодых (колдовской наговор отсылается под *булатный камень* [Заговоры и ворожба: электр. ресурс]). Наконец, могут заимствоваться целые сочетания, в языке-источнике не связанные с фольклорной речью; в заговоре от поноса – *Вир мытика, ор мытика, чикнет, викнет, доль-доль! Вон пошов!* 'Кровавый понос, гнойный понос, чикнет, викнет, доль-доль! Вон пошел' – как формула удаления использовано выражение *пошел вон*, выражающее в русской речи бытовое грубое требование убраться.

В фольклорных текстах коми-пермяков представлены элементы пассивного словаря русского языка – лексика русской диалектной и фольклорной речи, устаревшие лексемы; в большом количестве содержатся искаженные слова. Все это придает затемненность коми-пермяцким заговорным текстам, усиливает «загадочность», «странность» и, в конечном счете, способность воздействовать на эмоции, воображение. Известно, что суггестивный эффект сакральных текстов основывается не только на особой ритмике, задаваемой сочетаниями высоких и низких звуков, гласных и согласных, чередованием ударных и безударных слогов; суггестивность обеспечивается также ассоциативным сочетанием смысловых оттенков, когда теряется смысловая опреде-

ленность символов. Одна из причин включения русских элементов в текст заговора – установка на активизацию воображения, апелляция к бессознательному, которое никогда не может быть точно определено. В восприятии коми-пермяков-билингвов заговоры, содержащие элементы неродного языка, предстают как своего рода заумь, набор фраз, никак не связанных между собой по смыслу.

Примечание

¹Статья выполнена в рамках гранта РГНФ №13-14-59008 «Русские говоры Коми-Пермяцкого округа: особенности функционирования и развития».

Список литературы

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovardalja.net> (дата обращения: 15.05.2014).

Забелин Д.П., Таганов И.Н. Историческая география дамасской стали. [Электронный ресурс]. URL: http://www.arsenalexpo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=27&Itemid=1 (дата обращения: 30.05.2014).

Заговоры и ворожба. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.maga.ru/Магия?ins=6> (дата обращения: 21.05.2014).

Королёва С.Ю., Роготнев И.Ю., Четина Е.М. Народные поминальные молитвы: жанровая поэтика и специфика бытования // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2(18). С. 93–103.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. Вып. 5. 664 с.

RUSSIAN BORROWINGS IN KOMI-PERMYAK MAGIC TRADITION

Ivan A. Podjukov

Head of General Linguistics Department
Perm State Humanitarian-Pedagogical University

Peculiarities of using elements and forms of the Russian language in Komi-Permyak magic tradition (in Russian and Komi-Permyak magic texts) are discussed in the article. Types of borrowings and their main functions are studied, the role of Russian borrowings in texts' sacrality strengthening is revealed. Active transformation of the Russian language forms due to the influence of the magic tradition speakers' native language is noted. Special attention is paid to the use of the Russian dialect lexemes and folklore formulas in Komi-Permyak charms. Conclusions concerning the role of distorted Russian elements for reinforcing magic texts mysteriousness are made.

Key words: cultural and linguistic interaction between Russian and Komi-Permyak ethnic groups of Perm region; ritual borrowings; charm language; folklore formula; folklore symbol; linguistic interference.